

Злоумышленник

К великому визирю Абдурахман-хану пришёл его верный слуга Ифтагар, поклонился в ноги и сказал:

— Для ветра нет заслуги, если он пахнет цветами. Но и не его вина, если он пахнет навозом. Всё зависит, откуда он дует. Не может ветер пахнуть цветами, если он дует от навозной кучи. Я приношу плохие вести потому, что прихожу из плохого места.

Великий визирь сказал:

— Не бойся и говори.

— Будучи назначен твоей мудростью следить за тем, что не только говорят, но и думают в народе, — я зашёл, по долгу службы, в кофейню, которую содержит некто Саиб на Большом Базаре, и, в интересах государства, стал есть плов с изюмом и бараниной. Другие персы делали для своего удовольствия то же, что я делал из ревности к службе. Ели плов, пили кофе, лакомились фруктами и рахат-лукумом, слушали музыку и смотрели на учёного медведя. Но один из них, по имени Садрай, — он учит в школах и преподаёт святой закон маленьким мальчикам, — начал громко говорить о твоей милости.

— Громко говорить обо мне? Хвалил?

— Как должно быть у доброго перса, — мой язык в ссоре с ушами. И никогда не повторит того, что слышал.

Великий визирь сказал:

— Ветра не накажу. Говори!

— Он говорил... Он говорил, что твоё могущество — вор!

— Гм! — произнёс великий визирь. — Но добрые персы ему не поверили?

— Увы! — вздохнул Ифтагар. — Негодяй говорил с таким красноречием, с каким дай аллах всякому персу хвалить своё начальство. К тому же он слывет в народе человеком столь же праведным и добродетельным, сколь учёным и мудрым. Ему поверили все. И в кофейне в один голос повторяли: «Великий визирь»... ты сам знаешь что. Слушая это, я страшно огорчился. Чтобы какие-нибудь гуляки, проводящие своё время в том, что они смотрят на

танцующих медведей; обжоры, которые едят пригоршнями плов с бараниной; праздные люди, целый день сидящие в кофейне, — чтобы такие даже люди смели говорить о твоей милости, будто ты... я сказал, что. Я так встревожился, что нашёл необходимым донести тебе.

Великий визирь сказал:

— Хорошо! Пожар, когда о нём знают в самом начале, наполовину уж погашен.

Он позвал к себе начальника стражи и сказал:

— Отправляйся сейчас в кофейню Саиба, на Большом Базаре. Всё кушанье, которое там найдёте, съешьте. Деньги, которые найдёте в выручке, возьми себе. Кофейню закрыть. А шляющегося туда учителя Садрая немедленно арестовать и посадить в тюрьму! Будут знать, как учить гуляк говорить гадости про своё начальство!

Не прошло и получаса, как начальник стражи явился и сказал:

— Доношу, что приказание исполнено. Саиб разорён. Садрай — в тюрьме. Моё донесение — это гром, молния поразила уже виновных. Таково должно быть правосудие.

Великий визирь успокоился:

— Дурной цветок уничтожен, и с самым горшком.

Прошло две недели.

Проходя по базару, Ифтагар слышал громкий спор двух торговцев, по обязанности своей заинтересовался, остановился и прислушался.

Один торговец упрекал другого в том, что тот, продавши ему десяток огурцов, обсчитал на две штуки.

— Ты — вор! — кричал обиженный.

Но обсчитавший только улыбнулся на такое оскорбление.

— В другое время я, может быть, взял бы тыкву и ударил тебя по голове, чтобы ты не ругался так скверно. Но теперь в слове «вор» нет ничего оскорбительного. Это всё равно, что назвать меня «великим визирем». Если уж самого великого визиря зовут вором, то как же ещё титуловать меня? Раз сам великий визирь — вор, нам, простым смертным, и аллах велел!

Ифтагар, по обязанностям службы, заинтересовался и спросил:

— Откуда ты знаешь, добрый человек, что наш великий визирь... вот то, что ты о нём говоришь?

— Что он вор-то? — расхохотался торговец. — Стыдно было бы этого не знать. Мне сказал шурин, который полгода сидел в тюрьме за кражу и только что вышел. У них в тюрьме иначе и не называют великого визиря, как «вором». Им это очень хорошо рассказал учитель Садрай. Хо-хо-хо! Если даже мошенники, жулики, конокрады, обманщики, содержащиеся в тюрьме, иначе не называют великого визиря, как «вором», — хотел бы я слышать, как же отзываются о нём честные-то люди?

Ифтагар арестовал торговца и побежал донести обо всём этом великому визирю.

Визирь пришёл в гнев на самого себя:

— Захотел наказать: положил свинью в грязь!

Приказал немедленно извлечь Садрая из тюрьмы и привести к себе.

— Не умел, негодяй, жить в просвещённом городе Тегеране, где и поесть можно хорошо, и музыку послушать, и танцовщиков посмотреть, и учёных медведей, и другие всевозможные удовольствия...

— Мне-то трудненько было ими пользоваться, — улыбнулся Садрай, — я сидел в тюрьме!

— Забыл пословицу: «Что такое язык?» Язык — это ключ от собственной тюрьмы, который всякий носит при себе! — продолжал великий визирь. — Не умел жить среди просвещённых людей, — поживи среди дикарей.

И приказал немедленно же сослать Садрая из Тегерана в самую дальнюю провинцию в полунощных странах.

Прошло месяца два, и великий визирь стал уже забывать о самом имени Садрая.

Как вдруг, однажды проходя по улице, Ифтагар заметил странно одетого человека, который шёл и с любопытством рассматривал дома.

— Должно быть не здешний! — подумал Ифтагар.

По обязанностям службы, Ифтагар приветливо сказал:

— Мир тебе, незнакомец! Ты, должно быть, из далёких краёв и, кажется, что-то разыскиваешь. Не могу ли я быть полезен тебе? Я здешний и всё здесь знаю.

— Я, действительно, издалека и в первый раз приехал, по своим торговым делам, в Тегеран! — отвечал незнакомец. — Мне хотелось бы увидеть дом великого визиря, а если можно, то и его самого.

— Доброе желание! — сказал Ифтагар. — Но почему же тебя так особенно интересует великий визирь, добрый человек?

— Да уж очень, говорят, он вор! — простодушно отвечал приезжий из дальней провинции. — Я сам купец, и мне интересно было бы посмотреть такого вора.

— Кто тебе сказал это? — ужаснулся Ифтагар.

— Да неужели у вас, в Тегеране, об этом не знают? — диву дался купец. — Ну и столица! Нечего сказать: просвещённый город! Хо-хо-хо! В самых отдалённых пределах Персии знают, а вы не знаете! На что у нас дичь! Самая глухая провинция в полунощных странах! И то каждый вот этаким мальчишка знает: «великий визирь — вор». Этому научил нас учёный, мудрый и праведный Садрай, которого прислали из Тегерана, чтобы нас просвещать.

Ифтагар приказал арестовать купца и побежал донести великому визирю.

Великий визирь пришёл в страшный гнев на самого себя:

— Желая от людей скрыть тайну, сам им об ней письмо послал. Сам постарался, чтоб обо мне во всех концах земли раструбили. Пустил паршивую овцу пастись в чистое стадо!

И приказал:

— Взять немедленно негодяя Садрая из полунощной провинции, отвезти его в самую полуденную и бросить там в дремучем лесу одного. Не умел с людьми жить, пусть живёт с обезьянами!

Так и сделали. Прошло три месяца.

Великий визирь совсем уж было забыл обо всех этих неприятностях.

Как вдруг, однажды, его собственный попугай, только что присланный ему в подарок отдалённым губернатором, крикнул во всё горло:

— Великий визирь — вор!

На базаре продавали только что привезённых, только что пойманных попугаев.

Совсем диких, которые не умели ещё даже сказать:

— Дурак!

Но каждый дикий попугай кричал:

— Великий визирь — вор!

Даже во дворце самого шаха только что привезённый попугай крикнул было:

— Великий визирь...

Но, к счастью, верный Ифтагар, — он и во дворце бывал по тем же обязанностям службы, — успел ему в эту минуту откусить голову.

Чем и помешал закончить крамольную фразу. Великий визирь пришёл в смятение:

— Что ж это? Неужто же сама природа против меня? Но природой повелевает аллах. Аллах совершенен. Он не может быть неблагодарен: я каждый год жертвую в мечеть по ковру!

Он позвал к себе верного Ифтагара и сказал:

— Пойди и узнай, что за негодяй учит птиц таким гадостям? Кто из попугаев сделал собственный язык?

Ифтагар пробежал по городу три дня, не спавши и не евши, и пришёл исхудалый и потрясённый:

— Верь моей опытности, властитель моих дней! Никто попугаев не учит. Мы имеем дело с чудом. Я арестовал всех продавцов попугаев. Они все в один голос показали одно и то же. Попугаи нынче стали родиться такие, что от природы умеют тебя ругать. Они говорят, что весь дикий лес в полуденной стране, где ловят этих птиц, стоном стоит от их крика: «Великий визирь...» далее следует попугайское слово. Чудо!

Великий визирь ударил себя по лбу и воскликнул:

— Бьюсь об заклад! Ставлю верблюда против курицы, — что всё это штуки Садрая! Это он, негодяй, в лесу учит птиц разным гадостям! Хорошо же, теперь я знаю, что мне с ним сделать!

И приказал немедленно же отправить целый отряд, оцепить лес в полуденной стране, поймать и привести Садрая. Целая война!

Целое войско обложило лес в полуденной стране. По лесу пошёл стон, треск от валившихся деревьев.

По ошибке было арестовано и заковано в кандалы 375 обезьян, которых сначала приняли за Садрая.

А перепуганные попугаи перелетали с ветки на ветку и во всё горло орали:

— Великий визирь — вор!

Что ещё больше увеличивало ярость сражающихся воинов. Наконец, злодей был пойман. И притом на месте преступления.

Он сидел на лужайке, кормил попугаев орехами и учил их крамольным вещам. А те, сдуру, кричали во всё горло:

— Великий визирь — вор.

Так они, вместе с пищей, вкушали семена крамолы. И так злодей, вместе с орехами, садил плевелы. Воины схватили Садрая, заковали по рукам и по ногам в кандалы и, с великой радостью, с музыкой, привели его к великому визирю.

— А, негодяй! — сказал великий визирь. — Мало тебе было людей учить, — ты и птиц! Да не на того напал! Согрешил я перед небом и перед землёю нашей! Избытком доброты согрешил. Умеренность — вот закон природы. И солнце само — греет умеренно — хорошо. Чересчур начнёт греть — засуха. И дождь — выпадет умеренно — благодать нивам. Чересчур — потоп. И добродетель, как солнце, должна быть умеренна. Прегрешил я добротой к тебе. Но теперь я сумею заткнуть тебе глотку.

И приказал:

— Посадить его на кол!

— Станный способ затыкать именно глотку! — только и заметил Садрай.

В тот же день его посадили на главной площади на заострённый и обитый железом кол. Люди любят зрелища. Если нет хороших, — смотрят плохие. Весь Тегеран сошёлся смотреть на казнь. Садрай сидел на колу, охал и опускался всё ниже.

— За что его? — спрашивали в толпе не знавшие.

— Да всё за то, что говорил: «Великий визирь — вор!» — отвечали знавшие. Благоразумные люди жалели Садрая.

— Зачем ты это говорил? Как будто ему от этого делалось легче. Садрай, среди охов, криков, стонов, отвечал:

— Что ж мне было говорить, если правда?.. С детства сам учился, а потом и других учил, что надо говорить правду... Сказал бы про него другое, — никто бы не поверил, потому что всё другое было бы ложью.

И, глядя, как мучился и умирал Садрай, толпа решила:

— Значит, правда, — если человек, и на колу сидя, то же говорит! Значит, другого ничего про великого визиря и сказать нельзя, если даже на колу сидя, человек ничего другого не может выдумать!

Так весь Тегеран узнал и поверил, что великий визирь — вор. Теперь уже все — старики и дети, женщины и солдаты, богатые и мудрые, бедные и дураки, учёные и неучи — все в один голос говорили:

— Великий визирь — вор...

Даже сократили.

В обычай вошло, — никто больше не говорил: «великий визирь», — говорили просто:

— Великий вор.

И всякий понимал, о ком идёт речь.

Увидев, что зло приняло такие размеры, великий визирь смутился и сказал себе:

— Ого! Пожар разгорелся так, что одной своей мудростью мне его не погасить! Что ж делать! Когда у людей не хватает своих денег, — они занимают у соседей.

И приказал по всей стране избрать самых мудрых людей и прислать в Тегеран на совет. Избрали и прислали.

Тут были самые учёные муллы и такие древние старики, которые сами не помнили, когда они родились; были люди, родившиеся в нищете, а нажившие большие деньги, — чем они доказали свою бесспорную мудрость; были чиновники, сумевшие удерживаться при всяких начальниках, как бы мудры начальники ни были, — чем они доказали ещё большую мудрость.

А так как и среди простой травы растёт салат, — не были забыты и земледельцы.

Земледельцы избрали старика Нуэдзима, за мудрость которого они ручались, как за свою собственную:

— Этот уж знает! Этот уж посоветует!

Великий визирь встретил их обычным приветствием, призвал на их головы благословение аллаха и сказал:

— Не считаю нужным скрывать, для чего я вас сюда созвал. Вы можете слышать это на каждой улице, на каждом базаре, в каждом переулке. «Великий визирь — вор!» — только в Персии и разговоров. Этак не может продолжаться. Это конец всему. Если уж великого визиря так называют, — чего же ждать простому правителю провинции, — не говорю уже о каком-нибудь начальнике базара или улицы! Соберите же все силы вашей мудрости, подумайте и выдумайте: как прекратить такое зловерное неуважение к властям?

В усердии недостатка не было.

Каждый спешил перещеголять другого мудростью. Но, по здравом рассуждении, советы мудрецов оказывались мало пригодными.

Эбн-Кадиф, сам бывший начальник обширной области, рекомендовал:

— Рубить голову всякому, кто произнесёт: «Великий визирь — вор».

Великий визирь покачал головой:

— Страна превратится в пустыню. Только и останутся, что ты, да я. Да и то, и тебе нужно отрубить голову: ты только что произнёс.

Нимб-Эддин, тоже человек заслуженный, советовал:

— Вообще, запретить говорить что бы то ни было. Тогда и этого вот говорить не будут! Но великий визирь с тоской покачал головой:

— Разве уследишь!

И верный Ифтагар со слезами подтвердил:

— Никак не уследишь!

После таких неудачных опытов рвение у мудрости упало. И, наконец, мудрость совсем смолкла.

— Что ж это такое? — в ужасе воскликнул великий визирь. — Неужто же никто ничего не может посоветовать? Неужто же никто не знает средства?

Тогда из задних рядов поднялся Нуэдзим, застенчиво поклонился и сказал:

— Я!

— Говори! — обрадовался великий визирь. — Ты хочешь, чтоб перестали говорить: «Великий визирь — вор»?

— Да.

— Я знаю средство. Самое верное. Действительное. И к тому же единственное.

— Именно? — обрадовался великий визирь.

— Перестань красть!

Великий визирь тут же, не сходя с места, приказал отрубить ему голову.

— Из двух злоумышленников, — сказал он, — Садрай безопаснее. Он хотел лишиться меня только доброго имени, а этот — даже и доходов.